

Исторический вестник. История — свидетельница времен. 2024. Т. XLIX.

DOI: 10.35549/HR.2024.2024.49.005

А.М. Глушич

СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ ЗА РУБЕЖОМ В 1920-е гг.: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СПОРТИВНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Советское государство начало использовать спорт как орудие внешнеполитической работы вскоре после своего возникновения, с начала 1920-х гг. Более точной датой возникновения спортивной дипломатии можно считать 22 июня 1921 г., когда был создан Красный спортивный Интернационал (КСИ) — руководящий орган всего «рабочего революционного» спорта. Ему, в тесной связи с Высшим советом физической культуры (ВСФК) СССР, предстояло решать задачи, поставленные перед спортом советскими лидерами — преодоление международной изоляции молодого государства через неполитическое взаимодействие, а затем — демонстрацию преимуществ социалистического образа жизни и формирование из спортивных обществ за рубежом ядра ячеек самообороны при коммунистических партиях.

В историографии темы на указанные явления доминирует взгляд «сверху» — анализируются, прежде всего, идеологические аспекты противостояния буржуазного, «рабочего» (условное название в отчетах советских органов для спортивного движения, возглавляемого социал-демократическим Люцернским Спортинтерном, АСИ, созданным

в 1920 г.) и «красного» спорта¹. Также в центре внимания находятся институциональные конструкции и связи: борьба КСИ и ЛСИ в публичном поле и сложная совместная работа КСИ и ВСФК, в которой точек противоречия было больше, чем объединяющих факторов².

В то же время практически незатронутым остается большой пласт данных, касающихся повседневности спортивно-дипломатической работы, а именно — работа с самими спортсменами, на плечи которых и ложилась реализация спортивно-дипломатических практик на низовом, прикладном уровне. Исследователями затронуты отдельные аспекты. Порядок комплектования команд для заграничных выездов частично освещен в диссертации А.А. Васильева³, А.В. Хорошевой обозначена проблема положения спортсменов в условиях конфликта управленческих институтов, а также охарактеризованы достижения и роль спортсменов в главном рабоче-спортивном турнире десятилетия — Спартакиаде-1928⁴. Тем не менее остается немало лакун, касающихся повседневности спортивной работы за рубежом. Кем и откуда были спортсмены, которым доверяли представлять честь молодого государства перед глазами иностранцев, с какими трудностями они сталкивались в ходе поездок, как воспринимали самих себя в новой реальности — раскрытию этих вопросов о месте простых атлетов в системе отношений СССР с миром посвящена данная статья.

¹ *Arnaud P., Riordan J.* Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport. New York: Routledge, 1996. 240 p.

² См., напр.: *Steinberg D.* The Workers' Sport Internationals 1920–28 / *Journal of Contemporary History*. 1978. Vol. 13. No. 2. P. 233–251; *Gounot A.* Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921–1937 / *Journal of Sport History*. 2002. 28(1):23–9. P. 23–39; *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения*. Сер. 6. Вып. 2. 2012. С.107–114; *Хорошева А.В.* Деятельность Красного спортивного Интернационала в 1933–1937 гг. // *Российская история*. 2018. № 5. С. 105–115; *Хорошева А.В.* Высший совет физической культуры (1920–1936): от координации к жесткому контролю // *Уроки Октября и практики советской системы (1920–1950-е годы)*. Материалы X Международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 848–857.

³ *Васильев А.А.* Зарождение и развитие международных связей советского спорта в 1920-е гг. [Текст]: Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. (07.00.02) / Саратов: СГУ им. Н.Г. Чернышевского, 2001. 209 с.

⁴ *Хорошева А.В.* Деятельность Красного спортивного Интернационала в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // *Вестник Московского университета. История*. Сер.8. 2018. № 5. С. 86–105; *Хорошева А.В.* «Пролетарская» Спартакиада 1928 г. и «буржуазное» Олимпийское движение // *Свободная мысль*. 2018. № 2. С. 5–22.

Институциональный контекст: спортсмены между двух огней

Спортсмены логичным образом оказывались на острие новой дипломатической практики, напрямую взаимодействуя с внешним окружением. Однако вопрос о том, как именно осуществлять это взаимодействие, отнюдь не имел однозначного ответа из-за противоречий между двумя руководящими организациями — Красным Спортинтерном и ВСФК.

КСИ как орган, ответственный за «красный» спорт в мировом масштабе, ставил вопрос о совершенствовании уровня подготовки советских спортсменов через встречи с лучшими зарубежными клубами на второй план, активно проводя борьбу за запрет любых контактов с буржуазными организациями (в которых, конечно, и сосредоточивалась спортивная «элита» практически во всех странах). Главенствующей целью КСИ видел дипломатическую (налаживание и поддержание контактов) и политико-пропагандистскую работу (как можно большую массовость движения, а также вовлечение спортсменов в демонстрации и митинги за рубежом и в дело формирования ячеек самообороны на местах). Таким образом, складывался парадокс — главным критерием качества спортивной поездки был не результат соревнования, а «неспортивная», закулисная работа атлетов по популяризации принципов «красного» спорта и вовлечению зарубежных коллег в свои ряды. Отсюда вытекали и тезисы о первостепенности «товарищества и отсутствия грубости» в ходе игр, даже если это скажется на итоге состязаний.

Исходя из этого, КСИ четко определял цели поездок советских спортгрупп за рубеж: 1) установление политической товарищеской смычки между секциями; 2) перенесение за границу подчинения спортивного движения боевым задачам пролетариата; 3) демонстрацию послеоктябрьского русского спорта как живой революционной пропаганды⁵. Эти требования подтверждают, что главным «грехом» для рабочих команд, отправляющихся в заграничные поездки, КСИ считал аполитичность их членов⁶.

Для ВСФК же, как органа внутреннего управления, было характерно стремление поднимать уровень советского спорта через состязания с иностранными спортсменами и именно через победы доносить до внешнего окружения преимущества советских методов встраивания физической культуры и спорта в жизнь общества. Этот тезис не раз формулировался на страницах «Красного спорта» — не вести пропаган-

⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 105. Л.68.

⁶ Там же. Д. 73. Л.28.

Входной билет секретаря Красного Спортинтерна от СССР Ивана Афанасьевича Жолдака на заседание Политсекретариата Коминтерна, «шефа» КСИ (1929)

дистскую работу в ущерб спорту, но превращать спортивные успехи в политические⁷.

Такая модель была куда ближе самим участникам соревнований. Стоит учитывать тот факт, что большая часть спортсменов высочайшего уровня, которых обычно отправляли представлять честь СССР в 1920-е гг., еще не были воспитанниками «пролетарской системы» физической культуры и соревновались за рубежом ранее как представители Российской империи, которая, разумеется, не требовала от них ничего, кроме непосредственно побед. Они вполне органично влились в новую государственную реальность, многие даже являлись добровольцами в РККА в ходе Гражданской войны, но доминирующим все равно оставалось стремление представлять страну исключительно на аренах посредством своих лучших навыков.

«Пропагандистская» модель совершенно не соответствует и банальной психологии спортсменов, смысл профессиональной жизни которых сводится к совершенствованию собственных навыков ради стабильных успехов на состязаниях. Как показывает практика, советские атлеты зачастую охотно общались с зарубежными коллегами, задавали множество вопросов и отвечали на них сами, но осваивать новые компетенции и становиться грамотными марксистами с целью транслировать идеологию не на бытовом, а на профессиональном уровне — таких прецедентов «идейности» спортсменов не встречаем ни разу за рассмотренное нами десятилетие.

Но полностью игнорировать требования КСИ, конечно, не могли, а потому делегациями обычно выбиралась компромиссная модель. В ее

⁷ Красный спорт. 1926. №3. С. 1.

рамках советские спортсмены никогда не выступали инициаторами митингов и демонстраций (тут играла свою роль не только позиция участников, но и нежелание слишком явно провоцировать местные власти). В то же время если таковые были запланированы в принимающем городе, то делегация присоединялась к ним, причем старалась занять «видное» место во главе колонны, как это было, например, во время демонстраций в Берлине и Лейпциге⁸ или парада во французском Сен-Дени, где спортсмены вовсе шли рядом с представителями мэрии⁹. Не стеснялись и выступить на мероприятиях местных компартий. Наконец, посещали и приемы в советских пол- и торгпредствах, на которых присутствовали представители местных коммунистических сил¹⁰.

От атлетов в этих форматах не требовали яростно пропагандировать тезисы КСИ, достаточно было обратиться к массам с «приветом» от Спортинтерна и ВСФК, благодарностью за прием и надеждой на дальнейшее укрепление связей¹¹. А далее начиналась, на деле, самая важная часть — неформальное общение. В отчете о поездке в Германию в 1926 г. сопровождающий от немецкого спортивного союза Леш упоминает град вопросов о жизни в СССР, которыми встречали делегацию в каждом городе: «Как вы живете? Что вы зарабатываете и сколько времени работаете? Что вы едите, как вы спите? Не возвращают ли сейчас предприятия их бывшим владельцам?»¹² И именно в рамках бесед рабочих с рабочими (в сочетании с яркими победами на спортплощадках) наиболее эффективно раскрывался потенциал поездки как инструмента спортивно-дипломатической работы.

В такой конфигурации спортсмены чувствовали себя не профессиональными пропагандистами, а скорее частью большого культурного процесса. Идеологическая работа велась на уровне живого общения и прямой коммуникации с рабочими, в то же время не отвлекая участников от главной цели — победы в соревновании. Благодаря этому удавалось успешно преодолевать общую политическую безынициативность атлетов, отмечавшуюся в отчетах сопровождающих лиц¹³. И вновь выгодоприобретателями оказывались все участники: руководители делегаций отчитывались перед КСИ о посещении неспортивных меро-

⁸ Красный спорт. 1926. №44. С.1.

⁹ Там же. №6. С. 2.

¹⁰ Там же. №46. С. 3.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 79. Л. 60.

¹² Там же.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 109. Л.12.

приятый политического толка, местные пролетарии получали возможность пообщаться с советскими рабочими в неформальной среде (чего вряд ли удалось бы добиться, если бы инициатива шла от самой команды, учитывая строгий полицейский контроль за приезжими), а сами спортсмены исполняли формально возлагаемую на них функцию дипломатов, не ощущая при этом значительного идеологического давления на себя.

В итоге в отношении спортивных результатов молодое Советское государство явно могло занести 1920-е гг. себе в актив. Из 29 крупных выездов за рубеж в период 1923–1927 гг.¹⁴ лишь в двух из них советские команды по суммарным показателям уступили хозяевам соревнований — в 1926 г. команда футболистов Донбасса вернулась домой с негативным балансом мячей, 18:16, после турне по Германии¹⁵, а год спустя советские лыжники оказались слабее финнов¹⁶. В остальном налицо доминирование СССР во встречах с зарубежными рабочими клубами, причем и теми, которые представляли АСИ. Имидж сильного советского спорта сформировался за рубежом уже в первое десятилетие существования СССР.

Далее сосредоточимся на практических аспектах выездов за рубеж от их начала до завершения, выделяя основные тенденции и проблемы.

До выезда: отбор и подготовка спортсменов

КСИ как наднациональный орган не мог самостоятельно комплектовать спортивные делегации СССР для поездок за рубеж, в его праве было лишь дать оценку составу и прокомментировать саму поездку постфактум. За составление команды полностью отвечал ВСФК, что обуславливало ряд положений.

Для того чтобы реализовать тезис о пропаганде через победы, эти победы должны быть поставлены на поток, только в этом случае возможно сформировать образ советского спорта как непоколебимого лидера рабоче-спортивного движения, доказать, что пролетарский тип физической культуры создает наилучшие условия для совершенствования тел рабочих.

Но и здесь проявилась разница в понимании сущности этого явления. Истинная пролетарская физкультура, по мнению КСИ, зиждилась на двух основах: массовости и доступности. Эти принципы старались

¹⁴ Красный спорт. 1927. № 44, 45, 46.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л.188.

¹⁶ Красный спорт. 1927. №1. С. 2.

продвигать и в отношении зарубежных выездов. В официальных рекомендациях Спортинтерн требовал постоянно ротировать составы делегаций, привлекая к состязаниям широкую обойму спортсменов, и не допускать выезда за границу одного состава участников больше чем на один раз¹⁷. Объяснялось это боязнью обострения тенденций к профессионализму в СССР, создания привилегированной группы спортсменов.

На деле же за границу выезжали, во-первых, одни и те же спортсмены, во-вторых, выезды не были массовыми, ВСФК предпочитал сформировать небольшую по количеству, но максимально качественную делегацию, учитывая постоянный дефицит средств для обеспечения команд за рубежом. Более того, даже провинившиеся спортсмены высокого ранга (а провинности варьировались от банального желания состязаться с буржуазными командами¹⁸ до откровенных нарушений закона¹⁹, о чем будет сказано ниже) получали лишь строгое внушение от ВСФК, но не отстранялись от дальнейших выездов.

За второе десятилетие XX в. встречаем лишь один пример действительно массового выезда за рубеж. Делегация, которая отправилась представлять СССР летом 1927 г. в Хельсинки, была беспрецедентной по своему количеству — 250 спортсменов²⁰. Однако причина крылась не в желании угодить КСИ и уж тем более не в смене курса, а лишь в направленности на вовлечение физкультурников провинции накануне всесоюзных отборов на Спартакиаду-1928. Лидерами ВСФК была поставлена задача: с целью демонстрации физкультурной массовости разрешить поехать на соревнования абсолютно всем желающим спортсменам. На этот срок они должны были взять отпуск и, что важно, самостоятельно оплатить свою поездку. Все визовые вопросы брал на себя НКВД²¹.

Таким любопытным образом советский «рабочий революционный спорт» смог произвести должное впечатление на иностранцев, финский физкультурный праздник начался с пяти тысячной рабочей демонстрации²². Но спортивный итог со стороны руководителей был жестким и не оставлял надежду на продолжение подобных мероприятий: из-за громоздкости делегации происходят две обратные, но неизменно негативные тенденции; в одних видах спорта, где советские спортсмены

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 99. Л. 26.

¹⁸ Там же. Д. 79. Л. 66.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 94. Л. 65.

²⁰ Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 150.

²¹ Красный спорт. 1927. №3. С. 1.

²² Там же. №26. С. 1.

Сборная Харькова по футболу (1924). Спустя год эта команда под именем Харьковской команды имени Красного Спортинтерна отправится представлять СССР в турне по Германии

особенно сильны (например, конькобежном), происходит их тотальная доминация, что смущает спортсменов других стран, а в других (например, лыжном, успехи в котором были значительно скромнее) выходит скорее не состязание, а просто «представительство» целой ватаги советских спортсменов, которые по итогу ничему не учатся, а только напрасно получают материальное обеспечение²³.

Констатируем две тенденции: огромное желание рядовых спортсменов выезжать за границу даже с полной оплатой проезда и совершенное нежелание ВСФК работать с подобными запросами, никак не повышающими имидж «непобедимого советского спорта».

Продолжая ратовать за массовость в любом виде, КСИ активно выдвигал и установки на вовлечение в спортивное взаимодействие с внешним миром физкультурников периферии. Однако, исходя из отчетных данных, наблюдается колоссальный перевес в доле отправляемых за границу команд в пользу «сборных команд» сначала РСФСР, а затем СССР. Фактически же это означало комбинацию из лучших московских и ленинградских спортсменов. Ленинград оставался главными «воротами» для связи со Скандинавией, москвичи активно ездили в Германию, Чехословакию, Францию. Встречаем и два крупных выезда футболистов из столицы УССР Харькова (в 1925 — в Германию и 1928 — в Австрию).

²³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 94. Л. 64.

Выезды из «нецентральных» городов и регионов можно пересчитать по пальцам одной руки. Команда шахтеров-футболистов Донбасса для посылки в Германию (1926) была действительно и провинциальной, и сборной: спортсмены представляли Макеевку, Горловку, Кадиевку, Сталино и Рутченково²⁴. «Немецкий» выезд планировался и для сборной команды Закавказья (1925), но правительство Германии не выдало им виз, как объяснялось в советских отчетах — из-за событий, связанных с силовым захватом большевиками силами РККА власти в Грузии, и распространившейся в тот момент в Европе контрпропаганды меньшевиков относительно этих событий²⁵. Потому в этих республиках выезды ограничились восточным направлением — большая делегация из грузинского Батуми посетила Трапезунд (1925)²⁶. Из республик Средней Азии отметился Туркменистан — местная спортивная команда выехала в крупный персидский город Мешхед (1927)²⁷.

Даже когда за границу отправляли делегации шахматистов, которые в теории были наиболее обособлены от крупных секций, состав команд не удивлял разнообразием: представительная сборная СССР в Германии (1926) состояла из двух ленинградцев, двух харьковчан и одного жителя подмосковного Серпухова²⁸.

Очевидно, что комплектование команд для выездов характеризуется чрезвычайной степенью централизованности. Это выглядит логичным по ряду причин: более развитая транспортная связь столиц с зарубежьем, концентрация лучших спортсменов (особенно футболистов, несмотря на формальный запрет переходов из одного клуба в другой) в столичных секциях, наконец, сыгранность этих команд и их опыт международных встреч, который они начали нарабатывать еще с 1923 г., регулярно принимая у себя соперников с севера и запада Европы. Даже сама вышеупомянутая команда украинских горняков постоянно подчеркивала свою слабость относительно ранее посылаемых команд²⁹. В свою очередь, зарубежная пресса тоже знала о том, что сильнейшие команды СССР — московские, ленинградские и харьковские, и желала видеть на своих полях именно их. Когда в Австрию на встречу с местной рабочей сборной приехала команда с лучшими игроками Москвы и Ле-

²⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 182.

²⁵ Красный спорт. 1925. №37. С. 1.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 118. Л. 41.

²⁷ Красный спорт. 1927. №17. С. 1.

²⁸ Красный спорт. 1926. №18. С. 2.

²⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 196.

нинграда (1928), то эта встреча стала позиционироваться в газетах как «определение лучшей команды обоих спортивных Интернационалов»³⁰.

Учитывая стремление ВСФК поддерживать образ практически непобедимого советского спорта, логично, что директивы КСИ о массовом вовлечении физкультурников периферии были проигнорированы почти полностью. Единственным исключением оставался восточный фронт работы, но и конкуренция с турецкими и особенно персидскими атлетами, где спорт как таковой только зарождался, была значительно ниже. Реальным вариантом же попасть за рубеж для физкультурников периферии оставался, прямо говоря, только переезд в «спортивные центры» Советского государства — Москву, Ленинград и Харьков.

Образ спортсмена для выезда за рубеж в 1920-е гг., таким образом, выглядит весьма четко: представитель физкультурной секции Москвы, Ленинграда или Харькова, воспитанник еще имперской системы физической подготовки, не раз доказывавший ранее на внутренних и внешних соревнованиях способность на достойном уровне соревноваться даже с буржуазными спортсменами (например, В.А. Ипполитов был чемпионом Европы 1913 г. по конькобежному спорту, а Я.Ф. Мельников — последним чемпионом и рекордсменом Российской империи по этому виду спорта). Косвенным подтверждением этому служат и частые нападки в западной рабочей прессе относительно «профессионализма» русских спортсменов, которым однажды даже пришлось доказывать свою пролетарскую сущность работой у станка во время экскурсий по заводам³¹. Авторы заметок явно были в курсе спортивного прошлого выезжавших за рубеж советских спортсменов.

Как же проходила подготовка команд, когда состав уже был сформирован? Ее пытались сделать как можно более комплексной.

В инструкциях указывалось, что необходимо проводить совместные тренировки и упражнения перед отъездом. Московские команды обычно играли перед выездами с местными соперниками (например, командами пиццевиков, металлургов и т.д.). В отношении команд из других городов это не имело смысла, ведь конкуренция среди местных объединений была намного ниже и не позволяла получить должного соревновательного элемента. А поэтому команды сначала выезжали в Москву, где проводили несколько матчей с лучшими секциями столицы, и лишь потом отправлялись на выезд. Так было и в 1925 г. с харьковской и закавказской команда-

³⁰ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 109. Л. 15.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 239. Л. 38.

ми³², и в 1926 г. с донбасскими шахтерами-футболистами, которые проводили тренировочные матчи сначала в Харькове, а затем в Москве.

Любопытный факт: в отчете о сборах команды Донбасса указывается, что эти матчи, проигранные футболистами, сильно ударили по моральному духу спортсменов и пришлось даже проводить ряд бесед с футболистами, не привыкшими к такой степени подготовленности противников. С технической же стороны эта практика была, безусловно, верной и подчеркивала курс ВСФК на поддержание соревновательного уровня даже редких провинциальных делегаций³³.

Разумеется, проводилась и определенная идеологическая подготовка. По стандартным инструкциям КСИ следовало собрать комфракцию команды на инструктаж Секретариата, разъяснить всем членам политические задачи поездки, проинструктировать о состоянии дел в рабочем спортивном движении (например, о состоянии переговоров с ЛСИ), а также дать ряд практических указаний (например, не вступать в отношения с буржуазными спортсменами, не требовать комфорта, не пить, определить 2–3 человек с правом давать интервью зарубежным рабочим изданиям)³⁴.

После такого собрания (скорее сугубо информирующего характера) подготовительный «норматив» считался выполненным и наступало время выезда.

Пребывание за границей: бытовые трудности и внимание масс

Несмотря на то, что ВСФК дотировался государством в немалых объемах, большая часть этих средств уходила на организацию соревнований внутри СССР. Регулярной проблемой в отношении зарубежных выездов было постоянное стремление чиновников сэкономить на всех этапах организации. Вопиющий случай произошел во время поездки советской команды, возглавляемой секретарем КСИ Рейснером, в Норвегию (1927). Т. Курбатов из Союза железнодорожников, разрабатывавший смету, во-первых, не внес в нее расходы на поездки внутри Норвегии, а во-вторых, занижил стоимость проезда между странами. Дефицит составил крайне значительные 60 руб. на человека, которые пришлось ком-

³² Красный спорт. 1925. №33. С. 1.

³³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 182.

³⁴ Там же. Д. 82. Л. 3.

пенсировать силами местной компартии³⁵. Это обусловило язвительное возмущение норвежцев, в частности, редактора местной партийной газеты, уточнившего, «нет ли у России других методов пропаганды, кроме посылки за границу дорого обходящихся спортивных команд»³⁶.

Поездка футболистов во Францию (1926) также принесла колоссальный перерасход в 1300 руб. относительно сметы. Эта сумма в итоге была принята к оплате ВСФК³⁷. Не вполне понятно, на что надеялись чиновники, раз за разом неадекватно занижая изначальные расходы и вынуждая команды и руководителей самостоятельно изыскивать средства за рубежом, но это точно не сказывалось благоприятно ни на престиже команды, ни на настроении самих спортсменов.

Обеспечение приезжих спортсменов со стороны принимающей стороны также было скромным. Советско-германский договор о соревнованиях (1926) предусматривал расход в 2,5 доллара на человека в день³⁸, но на практике эта сумма обычно оказывалась меньше. Например, смета Зимнего праздника физической культуры в Берлине в 1929 г. подразумевала 5—6 марок ежедневного обеспечения на человека, что по тогдашнему курсу соответствовало примерно 1,5 доллара³⁹.

Один из важнейших директивных постулатов КСИ для делегаций состоял в запрете требовать большего комфорта, чем готова была предоставить принимающая сторона. Условия проживания зачастую оставляли желать лучшего — за неимением значительных средств у заграничных секций приезжих обычно размещали в квартирах самих членов местных спортивных клубов⁴⁰. В случае более крупных форумов (праздников физкультуры) для размещения могли использоваться школы⁴¹.

Таким положением дел пытались воспользоваться буржуазные организации. Так, в 1926 г. основным «аргументом» футбольного клуба из Ревеля (совр. Таллин), который просил прислать команду из Ленинграда для состязаний, были места для спортсменов в лучшей гостинице города. И ВСФК, и даже НКВД высказались одобрительно, и только невероятные усилия КСИ помешали этой встрече⁴². Впрочем, наиболее крепкие

³⁵ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 150. Л. 90.

³⁶ Там же. Л. 91.

³⁷ Там же. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 648. Л. 37.

³⁸ Там же. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 101.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 175. Л. 160.

⁴⁰ Красный спорт. 1924. №11. С. 3.

⁴¹ Красный спорт. 1927. № 27. С. 2.

⁴² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 98. Л. 35, 74.

и относительно богатые рабочие секции (например, в Финляндии и некоторые региональные — в Германии) предоставляли русским вполне комфортабельные отели недалеко от места состязаний⁴³.

Советские делегации нередко указывали на проблемы с транспортом и питанием. Украинские футболисты (1926) вынуждены были передвигаться по Германии исключительно в сидячих вагонах, но даже там приходилось нередко стоять, уступая место женщинам с детьми и пожилым людям. А подобные турне обычно включали в себя посещение 5–7 городов (в данном случае — Берлина, Бремена, Гамбурга, Золингена, Эссена, Нюрнберга и Мюнхена, т.е. всей Германии с севера на юг)⁴⁴.

Аналогичной была и ситуация с проездом от границ СССР до места назначения: в Берлин или Париж добирались трое суток либо в жестких, либо в сидячих вагонах и, следовательно, практически без сна. Ситуацию, по отзывам спортсменов, осложняло то, что команды обычно прибывали под самое начало соревнований и совершенно не имели возможности отдохнуть, вступая в соревнования с затекшими мышцами. Все это серьезно сказывалось на общих физических кондициях приезжих команд и результатах состязаний⁴⁵.

Впрочем, и тут исключением числится Финляндия — местный союз ТУА стабильно предоставлял приезжим делегациям для передвижения по своей территории билеты в мягкие, комфортабельные вагоны-купе на двоих⁴⁶.

Если же добираться приходилось морем, то здесь последствия бывали еще серьезнее. После путешествия на пароходе спортсмены жаловались на морскую болезнь, которая серьезно влияла на функциональную готовность. А боксеры, которых сразу по прибытии отправляли на взвешивание, теряли из-за этого в весе и могли вовсе попасть в другую категорию, в которой ранее никогда не выступали, что влияло и на масштабность представительства делегации, и на соревновательную стратегию⁴⁷.

Главной претензией относительно рациона были нехватка или отсутствие хлеба. Насчет этого иронизировали сами сопровождающие, указывая, что это типичная особенность всех русских, «даже и не спортсменов — есть больше хлеба, чем картошки»⁴⁸. Донбасские футболи-

⁴³ Красный спорт. 1927. № 39. С. 2.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 185.

⁴⁵ Красный спорт. 1926. № 26. С. 1.

⁴⁶ Красный спорт. 1927. № 39. С. 2.

⁴⁷ Там же. № 7. С. 2.

⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 150. Л. 140.

Спортсмены из Финляндии — старейшие соперники советских команд (с 1922 года).
 На фото — финская делегация на Спартакиаде-1928 в Москве

сты шахтеры (1926) жаловались на то, что за всю поездку они ни разу не поели украинского борща⁴⁹, а общее качество питания оценивали как «никуда не годное». Причем отмечалось это в том разделе отчета, где пояснялись причины ряда поражений в матчах с немцами (наряду с общей усталостью от новых впечатлений и бесконечных переездов).

Такие претензии могут показаться весьма наивным оправданием, но на деле резкая смена рациона, непривычная и некачественная пища серьезным образом влияет на готовность к физическим нагрузкам⁵⁰, поэтому замечания делегаций были вполне уместны, равно как и указания на аналогичные оплошности советских поваров в отношении питания иностранцев во время проведения Спартакиады-1928 в Москве⁵¹.

Однако это недовольство высказывалось закрытым образом и зачастую даже не принимающей стороне, а в отчетах для комиссии внешних сношений ВСФК. Обуславливается это как вышеуказанным тезисом КСИ о недопустимости требований комфорта и позиционированием советских команд как «эталонных» пролетариев, так и осознанием крайне слабых финансовых возможностей «красных» рабочих объединений на Западе. Поэтому каких-либо дискуссий со стороны ВСФК с зарубежными секциями относительно улучшений обеспече-

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 189.

⁵⁰ Борисова О.О. Питание спортсменов: зарубежный опыт и практические рекомендации: уч.-метод. пособие. М.: Советский спорт, 2007. С. 56–59.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 135. Л. 36.

ния приезжих советских команд никогда не велось, а потому советские спортсмены нередко должны были бороться не только с соперниками, но и с тяжелыми условиями выездов.

Но материальные тяготы сполна компенсировались новыми культурными впечатлениями и вниманием масс к делегации.

Ниже будет сказано о достаточно строгом контроле за делегацией со стороны местных властей и крайне ограниченных возможностях для посещения предприятий. В то же время даже в самых сложных для работы городах практически не было ограничений в плане демонстрации гостям преимуществ западного образа жизни. Делегациям охотно показывали местные театры, питейные заведения, иногда — больницы, проводили большие экскурсии по центру города. В Париже, например, удавалось посетить музеи Лувр, Трокадеро и Дом инвалидов, Эйфелеву башню, аквариум, собор Парижской Богоматери и Пантеон, местный кинотеатр и цирк и даже взглянуть на заседание палаты депутатов⁵². В Берлине обязательно водили на выдающиеся спортивные объекты — центральный Грюнвальдский стадион и искусственный каток «Спорт-Палас»⁵³. Но походы на заводы или рудники старались пресекать⁵⁴. При этом сами спортсмены отнюдь не были разочарованы подобным положением вещей и отмечали важность культурных впечатлений для расширения кругозора. Для них подобные экскурсии не были в тягость, а, наоборот, вызывали огромный интерес⁵⁵.

Если говорить о том, насколько большой ажиотаж вызывали непосредственно соревнования с участием советских команд за рубежом, то конкретными цифрами оперировать сложно, ведь в официальных отчетах обычно указывались абстрактные «несколько тысяч» или же данные о сборах. Но из имеющихся данных можно констатировать, что среднее количество зрителей варьировалось от 2500 до 20 тыс.⁵⁶ или даже 25 тыс. человек⁵⁷, в зависимости от страны (больше всего — в Германии и Финляндии, немного меньше — в Австрии и Франции) и силы приезжей команды.

Много это или мало? На деле, такие цифры вполне сопоставимы с посещаемостью футбольных матчей Олимпийских игр 1928 г., где

⁵² Красный спорт. 1926. № 6. С. 2.

⁵³ Красный спорт. 1927. № 14. С. 2.

⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 185.

⁵⁵ Там же. Л. 190.

⁵⁶ Красный спорт. 1926. № 4. С. 2.

⁵⁷ Там же. № 33. С. 2.

среднее количество зрителей равнялось примерно 11 тыс., и московской Спартакиады-1928 (≈ 13 тыс. чел.), т.е. цифры адекватны как в отношении показателей буржуазного спорта, так и крупнейшего рабоче-спортивного форума 1920-х гг.

Приезд русских не оставался без внимания и у той части зарубежной публики, которая не имела никакого отношения к пролетариату и его революционной борьбе. Полпред СССР в Норвегии А.М. Коллонтай, не раз принимавшая советские делегации, отмечала (1927): «Наши спортсмены имели огромный успех в широких массах. Рабочие их тепло приветствовали вдвойне: как первоклассных спортсменов и как представителей первой в мире республики трудящихся»⁵⁸.

Визиты гостей из СССР всегда собирали немалое количество репортеров: как пишущих, желающих расспросить о жизни в СССР, так и фотокорреспондентов. Это касалось и печатных органов местных компартий («Роте Фане» в Германии или «Арбайтер бладет» в Дании), и спортивных изданий различного профиля (немецкая рабочая газета «Дойче арбайтер спорт цайтунг» и «буржуазная» французская «Авто»)⁵⁹, и даже изданий, не имевших отношения ни к коммунистической идеологии, ни к рабочему спорту.

Сами спортсмены описывали необычайный ажиотаж шведских СМИ в связи с приездом русских в 1927 г. Фотографии членов команды были заранее размещены на первых полосах, в каждом из селений команду встречали корреспонденты и операторы буржуазных изданий (как, например, стокгольмская «Политикен»), а сопровождавших команду любопытствующих порой было так много, что переодеваться приходилось прямо в холле отеля среди толпы⁶⁰. Это было обусловлено и тем, что советские спортсмены ранее не приезжали в Швецию, ведь ее спорт оставался исключительно буржуазным, а потому такая делегация была для жителей страны чем-то абсолютно новым, и посмотреть на «других», сравнить их со стереотипными описаниями большевиков в прессе желали все.

Впрочем, иногда внимание масс было весьма своеобразным. В одном из отчетов представитель КПГ Леш, сопровождавший делегацию, пишет о том, что при использовании советскими спортсменами трамвая в немецких городах сидевшие там «дамы и господа» предпочитали

⁵⁸ Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. Т. 1. С. 339.

⁵⁹ Красный спорт. 1925. № 46. С. 3.

⁶⁰ Красный спорт. 1927. № 15. С. 2.

поскорее покинуть его, к удовольствию самой делегации, которая получала свободные места. Леш иронично отмечает, что они, вероятно, «боялись заразиться бациллой большевизма»⁶¹.

Спортсмены и сами были не прочь спровоцировать неискующую публику из России публику. В ходе той же поездки в 1925 г. в Дрездене секретарь коммунистической фракции ландтага Элдредт смог достать для всей делегации билеты в правительственную ложу Дрезденской оперы. Рабочие, не имеющие парадных костюмов, явились в повседневной одежде, шокировали своим видом «местную буржуазию» и вызвали скандал.

Внешний вид советских команд действительно мог эпатажить публику. Русские делегации далеко не всегда одевались «по европейской погоде», о чем сами же писали с иронией, указывая на удивление местных при виде спортсменов в толстовках, высоких сапогах и даже шубах весной в Германии или Австрии⁶².

На следующий день ситуация в опере обсуждалась в парламенте, и на замечания о том, что билеты в ложу положены только членам правительства, ландтага и их ближайшим родственникам, сам Элдредт ответил: «Но что вы хотите, господа, это ведь мои ближайшие родственники»⁶³.

Так или иначе, все описанные эпизоды объяснялись тем, что Советский Союз и его граждане были для местных жителей антиподами привычному порядку вещей. Не зря статья в «Дойче арбайтер спорт цайтунг» о приезде летом 1925 г. русской делегации получила название «Завеса над Россией приподнимается»⁶⁴, а шанс взглянуть на «настоящих, живых большевиков» называли поводом для посещения состязания даже теми, кто совсем не интересовался спортом⁶⁵.

Таким образом, пребывание за рубежом отнюдь не было курортным выездом для спортсменов в силу достаточно сложных условий обеспечения, но в контексте культурного обмена такие практики были исключительными, а потому оставались настоящей привилегией для элитных атлетов и почти недостижимой мечтой для рядовых физкультурников.

⁶¹ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 239. Л. 39.

⁶² Красный спорт. 1926. № 18. С. 2.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 38.

⁶⁴ Там же. Д. 237. Л. 18.

⁶⁵ Красный спорт. 1926. № 4. С. 2.

Спортсмен под надзором: осуществление контроля за делегацией

Выезд за границу, конечно, подвергал участников множеству соблазнов, а потому необходимо было обеспечить адекватный надзор. Контроль за спортсменами за рубежом стоит разделить на внутренний (со стороны руководителя команды) и внешний (таможня, полиция, сопровождающие от местных спортивных союзов).

Относительно первого стоит отметить, что до 1925 г. он не был слишком жестким. Например, во время поездки легкоатлетов в Чехословакию в 1924 г. после основных соревнований спортсмены разделились и отправились в небольшое турне по городам страны, оставшись при этом вообще без прямого начальствующего надзора⁶⁶. Спортсмены могли самостоятельно давать интервью зарубежной прессе, хотя КСИ и просил выделять для этого 2–3 наиболее идеологически подкованных человека⁶⁷.

Ситуация изменилась после поездки конькобежцев в Финляндию в феврале 1925 г. Представители этого вида спорта, особенно наиболее элитные участники, победители международных соревнований еще во времена Российской империи (Мельников и Ипполитов), были привилегированными и несменяемыми членами подобных делегаций. Потому случившееся на этих соревнованиях не выглядит неожиданностью.

Во-первых, они самовольно выехали на состязания на день раньше срока, оставив в недоумении всю делегацию. Во-вторых, один из группы (Козлов) до выезда обменял советскую валюту на финскую не только для себя, но и по паспортам двух провинциальных спортсменов. Однако эту валюту не передал им, а уехал в Финляндию вместе с деньгами, оставив коллег с совзнаками, которые нельзя было перевозить через границу. За это Козлов был отстранен от соревнований руководителями делегации, а дело передано на разбирательство в ВСФК.

Несмотря на запрет провоза советской валюты, по прибытии в Финляндию таковой оказалось в совокупности на 2000 руб., которые пришлось срочно менять в советском торгпредстве, что было встречено, исходя из отчета, «с презрительным отношением». И здесь отличился тот самый Козлов — он прибыл в торгпредство раньше, представился делегатом от конькобежцев и разменял 700 руб. В итоге пришедших

⁶⁶ Красный спорт. 1924. № 8. С. 3.

⁶⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

позже официальных представителей сначала приняли за самозванцев и доказывать свою правоту пришлось с помощью мандатов.

Часть же перевезенных совзнаков в виде червонцев (купюр условным номиналом в 10 руб.) и вовсе попала на черную биржу Хельсинки. Причем спортсмены действовали через знакомых, имена которых выяснить не удалось. Руководитель делегации заключал, что в ходе поездки в этой части команды было мало спортивного, но гораздо больше «покупательского и торгового интереса»⁶⁸.

Также советские конькобежцы самовольно отлучились из расположения команды, выпили, нарушив тем самым «сухой закон» Финляндии. А затем Ипполитов и Ларионов подрались прямо в центре города, собрав толпу финнов, которым пришлось разнимать атлетов.

Завершилась поездка скандалом на таможне. У спортсменов массово изымались предметы роскоши из шелка и парфюмерия. Везли их как в тюфяках спального вагона, так и на себе. Вся делегация в итоге была тщательно досмотрена, с атлетов буквально снимали женские чулки, панталоны, кофточки и куски шелковой материи — в сумме на 2000 руб. На конькобежцев-чемпионов были официально заведены карточки контрабандистов⁶⁹.

После этой поездки меры контроля за спортсменами были несколько усилены. В отчете указано: во время поездки Калинин, Мельников, Ипполитов и Кушин «выходили гулять с лицами, неизвестными ни нам, ни полпредству». Из отчетов же за последующие годы видно, что делегации всегда передвигались по городам организованно и совместно, индивидуальные выходы в принципе не практиковались. Общение с прессой также стало уделом исключительно руководителя команды, спортсмены могли общаться только с европейскими «коллегами» — пролетариями.

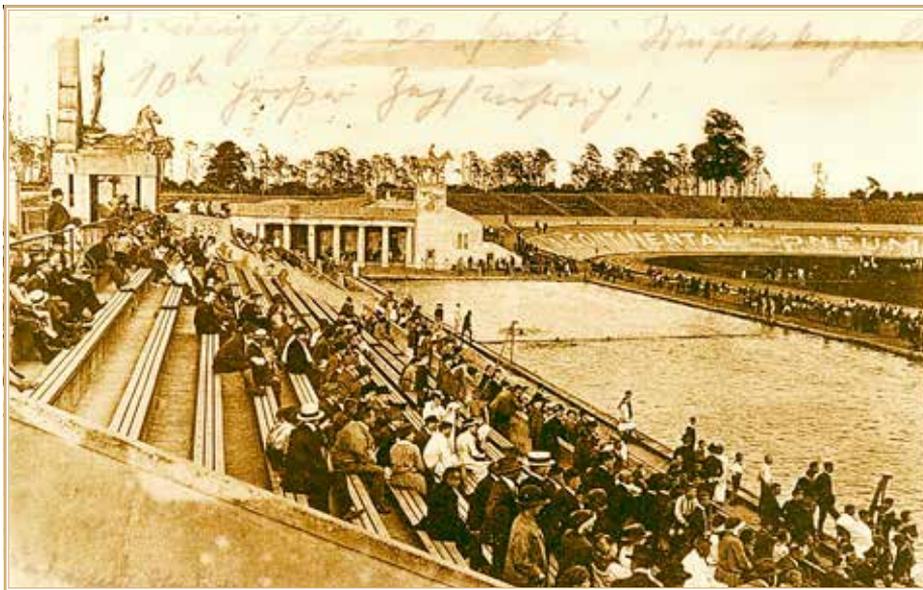
Но в то же время отмечаем, что в дальнейшем и пара Мельников — Ипполитов, которая последовательно выступала за соревнования с буржуазными спортсменами, противореча официальной линии⁷⁰, и даже отличившийся финансовыми махинациями Козлов продолжали соревноваться за рубежом. Политика ВСФК в пользу защиты лучших спортсменов успешно преодолевала протесты КСИ о «политической ненадежности»⁷¹ и предпочитала руководствоваться принципом, суть которого можно выразить формой «усиленно надзирать, но не наказывать».

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 94. Л. 65.

⁶⁹ Там же. Л. 64.

⁷⁰ Там же. Д. 75. Л. 18.

⁷¹ Там же. Оп. 1. Д. 105. Л. 66.

Немецкий (Грюнвальдский) стадион в Берлине (1928), один из старейших в Германии, на почтовой открытке. Этот стадион обязательно показывали советским делегациям как выдающийся пример спортивной архитектуры

Требования к уровню сопровождающих также не был статичен. В первой половине 1920-х гг. сопровождающим мог стать любой чиновник ВСФК, что нередко вызывало обвинения со стороны КСИ в отсутствии авторитетных и политически выдержанных сопроводителей⁷². Во второй половине десятилетия требования к такой работе стали жестче. С командами стали ездить чиновники более высокого ранга: Бажанов (до этого три года работавший личным помощником Сталина), Адамский (секретарь Чичерина), Рейснер (секретарь КСИ)⁷³.

Кроме того, из-за частых казусов и даже конфликтов, связанных с некорректной работой переводчиков, переименовывавших высказывания команды, старались выбирать руководителя со знанием языка той страны, куда отправлялась команда⁷⁴. В контексте изучаемого периода наиболее актуальным был немецкий язык, что было связано и с наибольшей интенсивностью связей, и с большим вниманием компартии Германии, которая выделяла своего члена для помощи делегации, а значит, общение поневоле превращалось и в политический диалог. Таким образом, в 1920-е гг. руководитель прошел путь от символического со-

⁷² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 105. Л. 66.

⁷³ Там же. Л. 90.

⁷⁴ Там же. Оп. 2. Д. 109. Л. 14–15.

провожающего к организатору, контролирующему все сферы деятельности команды.

Но куда более строгим был надзор внешний. Власти стран Европы прекрасно осознавали риски распространения коммунистической пропаганды через неполитические практики, а потому стремились противостоять этому на всех уровнях.

На границе проводился тщательный осмотр багажа на предмет ввозимой красной литературы, знамен и прочих пропагандистских материалов⁷⁵, причем изымались даже старые, годичной давности, выпуски «Известий», используемые для защиты одежды от пыли⁷⁶. Чтобы провезти знамена КСИ и московского Совета физической культуры в Чехословакию (1924), пришлось задействовать административный ресурс высокого уровня. Сначала в Кенигсберге Адамскому, секретарю Чичерина, пришлось убеждать пограничников, что знамена едут не в Германию, а в Чехословакию. А пройти с ними чешскую границу удалось только благодаря разрешительным документам советского полпреда в Германии Крестинского⁷⁷.

Советские спортсмены отдельно упоминали резко негативную реакцию латвийских пограничников на слово «товарищу», вызывавшее едкие замечания («Тамбовский волк вам товарищу») и особо пристальное внимание к багажу на въезде в Прибалтику⁷⁸. В Финляндии, имевшей наиболее длительный опыт взаимодействия с СССР в сфере спорта, службы охраны правопорядка были готовы к пресечению всего, что могло бы служить «политизации» спорта. В купе по дороге к Хельсинки делегации сопровождали, как их именовали, члены «тайной полиции» в штатском. Такая практика присмотра была, видимо, настолько привычной, что об этом, совершенно не стесняясь, писали в газетных отчетах, иронично отмечая «заботливость» местных органов⁷⁹.

Строгость полицейского контроля внутри страны зависела от настроения принимающей стороны, причем нормы варьировались от города к городу. Это хорошо видно на примере Германии. Во время поездок по югу страны (Нюрнберг и Мюнхен) любые приветствия на вокзалах запрещались, команды старались привозить ночью и сразу же отправлять в гостиницу. При встрече на перронах их зачастую не только оцепляли полицией, что вполне логично при любых массовых мероприятиях,

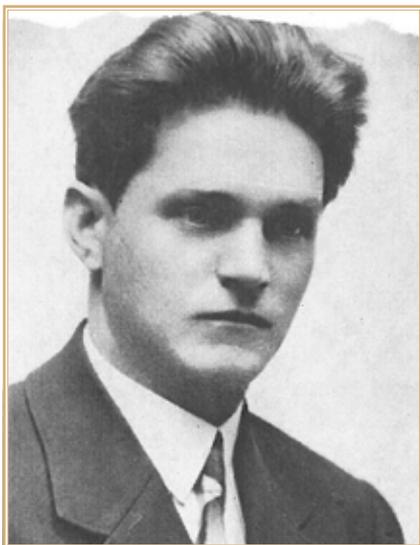
⁷⁵ Красный спорт. 1927. № 39. С. 2.

⁷⁶ Красный спорт. 1925. № 39. С. 2.

⁷⁷ Красный спорт. 1924. № 11. С. 3.

⁷⁸ Красный спорт. 1925. № 39. С. 2.

⁷⁹ Красный спорт. 1927. № 27. С. 2.

Секретарь Красного Спортинтерна от Чехословакии с 1929 г. Карел Аксамит

но и останавливали за несколько часов продажу железнодорожных билетов, чтобы сосредоточить все внимание на контроле за делегацией⁸⁰. Допускались к встрече лишь небольшие группы официальных лиц от рабочих союзов⁸¹. Даже на сами матчи команды выходили под конвоем полиции, вероятно, для предотвращения возможных провокаций и столкновений со стороны зрителей. В отдельных случаях использовались и усиленные наряды конной полиции.

В таких «недружественных» регионах даже бытовое общение бралось под контроль. «Каждое наше слово было строго регламентировано, игра в футбол, разговоры о футболе, наше общество — футболисты, и вопрос исчерпан. Даже пиво пили из оригинального футбольного ботика», — так характеризовал ситуацию сопровождающий команды украинских футболистов-горняков Хмара в 1926 г.⁸² Также сопровождающие рекомендовали кричать похвалы в адрес тогдашнего главы Веймарской республики Гинденбурга, чтобы «полиции нравилось» и она «не обижалась»⁸³. Общаться с рабочими удавалось лишь через лидеров их объединений в полуподпольном формате.

Другая ситуация складывалась в более «демократичных» районах. В том же 1926 г. в Берлине и Лейпциге команды передвигались относи-

⁸⁰ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 101. Л. 68.

⁸¹ Красный спорт. 1926. № 33. С. 1.

⁸² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 240. Л. 185.

⁸³ Там же. Л. 184, 188.

тельно свободно и даже ходили на экскурсии по заводам, общаясь с местными пролетариями⁸⁴. Относительно пребывания в Дрездене отдельно отмечалось, что немецкие рабочие и коммунисты «не покидали делегацию ни на шаг», постоянно организовывая вечера встреч с командой⁸⁵. Интересно, что вечера эти в Германии обычно были платными. Таким образом стремились частично окупить расходы на организацию состязаний. Советские спортсмены, описывая общение на этот счет с немецкими коллегами, отмечали, что тем ради попадания на вечер порой приходилось отказываться от ужина⁸⁶, а часть из них и вовсе были безработными и тратили на встречу последние сбережения⁸⁷. Столь высок был интерес и желание масс лично пообщаться с людьми «из-за занавеса».

Аналогичная региональная дифференциация наблюдалась в Чехословакии. В 1924 г. после рабочего праздника в Карлсбаде, где меры контроля были стандартными и даже ненавязчивыми, часть советской делегации по приглашению местной компартии отправилась в Кошице. Сам Б. Громов, атлет и участник визита, открыто писал о том, что их позвали в этот промышленный центр именно потому, что область (Словакия) была самой революционно настроенной в стране, оппозиционной к правительству Т. Масарика. Соответственно, приезд был обставлен вызывающе: десятитысячная толпа с красными знаменами на вокзале и демонстрация с оркестром прямо по центру города и даже самодельная статуя Ленина перед трибуной стадиона во время состязаний, а также запись всего мероприятия на пленку с последующей отсылкой в Москву⁸⁸.

Поэтому логично, что русских спортсменов в числе троих человек не выпускали из-под наблюдения. За ними следовали во всех местах, вплоть до совместного подъема на колокольню в ходе обзорной экскурсии, ночью дежурили у окон отеля, заграничные паспорта были задержаны для фотографирования (на вопросы команды о том, что делать, если паспорта вдруг понадобятся, полиция отвечала, что в этом городе спортсменов и так все знают, а кроме полицейских никто команду не тронет). А в день состязаний на улицы даже были выведены несколько танков.

При этом сами атлеты отнюдь не были образцами послушания: стремились разными способами улизнуть от сопровождающих или не-

⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 80.

⁸⁵ Там же. Л. 81–82; 93.

⁸⁶ Красный спорт. 1925. № 39. С. 2.

⁸⁷ Красный спорт. 1926. № 14. С. 2.

⁸⁸ Красный спорт. 1924. № 10. С. 2.

ожиданно развернуться и напугать их⁸⁹. Стоит согласиться, что, учитывая контекст ситуации, действия местного военного начальника, бывшего генерала Колчака Р. Гайды, ответственного за обеспечение безопасности в ходе визита, выглядят вполне оправданными.

Таким образом, степень надзора за спортсменами варьировалась в зависимости от страны и даже региона пребывания. Это выражалось в первую очередь в допуске к коммуникации с рабочими организациями, что было, по сути, второй главной целью любой поездки по мнению ВСФК (после самого соревнования). Преодолеть сопротивление властей и полиции там, где они строго запрещали подобное взаимодействие, не удалось, а потому уповать оставалось лишь на «пропаганду через победы».

Однако там, где принимающая сторона давала чуть больше свободы, наблюдался колоссальный ажиотаж масс относительно советских спортсменов: их окружали вниманием, стремились расспросить о жизни в СССР, организовать массовую торжественную встречу и демонстрацию. Именно такие выезды можно отнести к наиболее успешным и комплексным вариантам встреч.

Тем не менее и здесь полиция стабильно сопровождала команды в целях недопущения провокаций и однозначно благожелательно относилась лишь к самим состязаниям и визитам в культурные и даже развлекательные места города, резонно считая это более безопасным и удобным для контроля времяпровождением.

После поездки: возвращение домой и рефлексия

По возвращении из заграничной поездки руководитель делегации давал письменный отчет различной степени формальности (четких правил для таких документов не существовало), а также вместе с капитаном команды выступал с устным докладом перед комиссией внешних сношений ВСФК. Происходило это либо во II Доме Советов, где обычно проводились заседания ВЦИК⁹⁰, либо в здании Университета трудящихся Востока⁹¹. После этого поездке давалась оценка по основным показателям: поведение команды, спортивные результаты, политические достижения. Эти итоги далеко не всегда совпадали. Если спортив-

⁸⁹ Красный спорт. 1924. № 10. С. 3.

⁹⁰ Красный спорт. 1926. № 7. С. 2.

⁹¹ Красный спорт. 1925. № 39. С. 1.

ные результаты обычно признавались успешными, то упреки в том, что команда не принимала активного участия в демонстрациях, а ее руководство недостаточно усердно вело разоблачительную работу в адрес местных реформистских физкультурных органов, были регулярными⁹². После такого разбора вопрос считался закрытым.

Но в отдельных случаях, когда турне прошло особенно успешно и вызвало широкий ажиотаж в прессе, приезжающей делегации устраивали торжественную встречу. Так было, например, с футболистами, вернувшись в Москву из турецкого турне в 1925 г.⁹³, а также из Франции в январе 1926 г. Их встречали секретарь КСИ Рейснер, член президиума ВСФК Иттин, московские физкультурники и оркестр. Как чиновники, так и члены команды выступали с речами и о самой поездке, и об успехах советского спорта в целом, а сама встреча была заснята для кинохроники⁹⁴.

Разумеется, у участников таких успешных выездов брали интервью для финального отчета в «Красном спорте». При этом спортсмены с удовольствием придавали еще большей значимости своим триумфам. Например, капитан вышеупомянутой команды футболистов, вернувшись из Франции, тов. Ратов через заметку «Интересные параллели» подвел итог глобального характера. Их команда проездом сыграла один матч в Берлине, обыграв местную команду Рабочего спортивного союза со счетом 7:0. В то же время, по словам спортсменов, в 1923 г. команда РСФСР играла «с тем же составом немцев» и выиграла 6:0, а украинская команда в 1925 г. победила 3:0. Отсюда делается вывод: несмотря на то, что текущая команда очевидно слабее «сборной РСФСР и сборной УССР», успех по счету оказался еще значительнее, что «очевидно свидетельствует о непрерывном развитии и повышении класса советских футболистов»⁹⁵.

Стоит отметить, что харьковская команда, посетившая в 1925 г. Германию, конечно, не считалась сборной УССР и не именовалась так ни в отчетах, ни на страницах прессы ни до, ни после данной заметки. Кроме того, эта команда проиграла матч дрезденской футбольной команде со счетом 3:1, т.е. отнюдь не была эталонной в плане результатов⁹⁶. Сравнить же с матчем сборной РСФСР, сыгранным с разрывом в 3 года и отличающимся лишь одним забитым в ворота соперников голом — несостоятельная практика по определению. Тем не менее по-

⁹² РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 1. Д. 190. Л. 1.

⁹³ Красный спорт. Экстренный выпуск от 07.06.1925. С. 1.

⁹⁴ Красный спорт. 1926. № 5. С. 1.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Красный спорт. 1927. № 44. С. 3.

добное конструирование тезисов о прогрессе спорта в целом исходя из простейшей статистики — характерная и регулярно использовавшаяся практика в советской спортивной прессе, уделявшей меньшее внимание разбору хода игр в пользу цифр на табло и потому воспринимавшей подобные послы от самих спортсменов.

Охотно тиражировали особо звучные тезисы зарубежной прессы и руководителей делегаций. Так, матч между сборной РСФСР и РСС Австрии подавался как определение лучшей футбольной команды обоих Интернационалов⁹⁷ (советская сторона, конечно, одержала победу). А не слишком удачная поездка футболистов Донбасса в 1925 г. (итоговый счет всех матчей — 18:16 в пользу Германии, впервые в истории подобных выездов) преподносилась как относительный успех: «самая слабая из когда-либо выезжавших за границу советских команд» практически не уступила немцам⁹⁸.

Подобная рефлексия об итогах выезда была полезна всем сторонам: руководящие органы подкрепляли имидж советского спорта как безоговорочного лидера рабочего движения, зритель мог с полным основанием гордиться своими командами и страной, а сами спортсмены неформально легитимизировали свое право и в дальнейшем стабильно выезжать за рубеж для состязаний.

Советские спортсмены высокого уровня, которые имели привилегию представлять СССР на международной арене, в первое десятилетие существования спортивной дипломатии были далеки от того идеального представления о физкультурнике-пролетарии, которым их хотели видеть руководители Красного Спортинтерна. Они не ставили во главу угла товарищеский дух в ходе состязаний и целенаправленную идеологическую работу, но осуществляли успешную непрямую пропаганду через блестящие регулярные победы и неформальное общение с зарубежными рабочими.

При этом идеологический блок не был отринут полностью: в ходе комплексной подготовки для команд, помимо тренировочных состязаний, обязательно проводились информирующие инструктажи от чиновников КСИ, чтобы в ходе участия в стихийных встречах или демонстрациях спорт-

⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 109. Л. 15.

⁹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 240. Л. 190.

смены могли выверенно вести себя и общаться с пролетарскими массами. Тем не менее во избежание рисков со второй половины 1920-х гг. коммуникативную нагрузку (выступления на митингах и интервью зарубежным изданиям) практически целиком переложили на руководителей делегаций.

Практически во всех сферах, касающихся материального обеспечения поездки (финансовой, жилищной, транспортной, бытовой), спортсмены испытывали значительные стеснения, связанные с постоянным желанием советских чиновников экономить и бедностью большинства европейских рабочих секций. Эти проблемы не обсуждались в открытую и не могли служить оправданием неудач, а потому команды нередко должны были побеждать, преодолевая и внешние обстоятельства. Тем не менее культурные впечатления от заграницы и возможность соревноваться с иностранцами перевешивали недостатки и выезд за рубеж был желанным для любого спортсмена. При этом по отчетным документам мы встречаем лишь один вопиющий эпизод, когда во главу угла был поставлен «покупательский интерес» (выезд конькобежцев в Хельсинки в 1925 г.), что позволяет констатировать — материальная составляющая не была для советских спортсменов базисной мотивацией для участия в поездке в изучаемое нами десятилетие.

За спортсменами, особенно после 1925 г., был установлен достаточно строгий контроль, как внутренний, так и внешний. Но их цели были разными: сопровождающие от ВСФК стремились предотвратить возможные эксцессы в виде отлучек членов команды, употребления алкоголя или неосторожных высказываний, местные же представители полиции ограждали делегацию от слишком близкого знакомства с местным пролетариатом и посещения незапланированных локаций.

Необходимым аспектом было создание позитивного имиджа прошедшего выезда после возвращения команды. И важную роль здесь играли «живые» впечатления самих спортсменов, которые охотно делились мнением о степени сопротивления за рубежом, неизменно постулировали заметно более высокий уровень советского спорта, а также делились историями о преодолении трудностей, которые создавались властями стран на границе или в процессе пребывания в местах состязания. Через такую практику оформлялся образ спортсмена, непобедимого не только на спортивной площадке, но и вне ее, готового открывать СССР миру через спорт, несмотря на все чинимые ему преграды.

REFERENCES

1. *Arnaud P., Riordan J.* Sport and International Politics: Impact of Facism and Communism on Sport. New York: Routledge, 1996. 240 p.
2. *Bogolyubova N.M., Nikolaeva YU.V.* Krasnyj sportivnyj Internacional i zarozhdenie sovetskoj sportivnoj diplomatii [The Red Sports International and the Birth of Soviet Sports Diplomacy] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of St. Petersburg University. Political science. International relations]. 2012. № 2. P. 107–114.
3. *Borisova O.O.* Pitanie sportsmenov: zarubezhnyj opyt i prakticheskie rekomendacii [Nutrition of athletes: foreign experience and practical recommendations]. M.: Sovetskij sport, 2007. 132 p.
4. *Gounot A.* Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921–1937 // Journal of Sport History. 2002. 28(1):23–9. P. 23–39.
5. *Horosheva A.V.* «Proletarskaya» Spartakiada 1928 g. i «burzhuaznoe» Olimpijskoe dvizhenie [The «Proletarian» Spartakiad of 1928 and the «bourgeois» Olympic Movement] // Svobodnaya mysl' [Free Thought]. 2018. № 2. P. 5–22.
6. *Horosheva A.V.* Deyatel'nost' Krasnogo sportivnogo Internacionala v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. [The work of the Red Sports International in the late 1920s – early 1930s] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Moscow University. History]. 2018. № 5. P. 86–105.
7. *Horosheva A.V.* Deyatel'nost' Krasnogo sportivnogo Internacionala v 1933–1937 gg. [The work of the Red Sports International in 1933–1937] // Rossijskaya istoriya [Russian History]. 2018. № 5. P. 105–115.
8. *Horosheva A.V.* Vysshij sovet fizicheskoj kul'tury (1920–1936): ot koordinacii k zhestkomu kontrolyu [The Supreme Council of Physical Culture (1920–1936): from coordination to strict control] // Uroki Oktyabrya i praktiki sovetskoj sistemy. Materialy X mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Lessons of October and practices of the Soviet system. Materials of the X International Scientific Conference]. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018. P. 848–857.

9. *Kollontaj A.M.* Diplomaticheskie dnevniki. T. 1 [Diplomatic Diaries. Vol. 1]. M.: Academia, 2001. 528 p.
10. *Steinberg D.* The Workers' Sport Internationals 1920-28 // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. No. 2. P. 233–251.
11. *Vasil'ev A.A.* Zarozhdenie i razvitie mezhdunarodnyh svyazej sovetskogo sporta v 1920-e gg. [The origin and development of international relations of Soviet sports in the 1920s]. PhD Diss. Saratov: SGU im. N.G. Chernyshevskogo, 2001. 209 p.

Ключевые слова:

спортивная дипломатия, Красный спортивный Интернационал (КСИ), Люцернский спортивный Интернационал (ЛСИ), Высший совет физической культуры (ВСФК), советский спорт, повседневные практики.

Anton M. Glushich

SOVIET SPORTSMEN ABROAD IN 1920: DAILY PRACTICE OF SPORTS DIPLOMACY

The article examines the daily practices of sports diplomacy of the USSR in the 1920s: the preparation of teams for foreign trips, their organization, the system of control over the delegation, and the self-positioning of athletes within the new reality of international interaction. It concludes that athletes, despite the constant intentions of the Red Sports International about the importance of systematic propaganda work, preferred to prove the advantages of the lifestyle of the young Soviet state through victories on sports grounds and informal communication with foreign proletarians, rather than through direct ideological activity. It was established that the governing bodies within the USSR selected athletes of the highest level from Moscow, Leningrad, and Kharkov for trips, who often had experience of competitions as part of the teams of the Russian Empire. Athletes of the periphery were often not involved in foreign contacts due to poor preparedness. Work abroad was carried out under constant police supervision, the intensity of which depended on the political positions of local authorities. The material conditions of staying abroad were quite difficult due to the poverty of European proletarian sports cells. This was compensated by a wide range of cultural impressions and the constant attention of the masses to the delegations from the USSR. In the 1920s, international meetings, which regularly ended with loud triumphs of Soviet athletes, became an important tool for overcoming foreign policy isolation, and became one of the «showcases» of the Soviet project.

Keywords: Sports Diplomacy, Red Sport International (RSI), Lucerne Sports International (LSI), Supreme Council of Physical Culture (SCPC), Soviet Sport, Everyday Practices.

Anton M. Glushich — Postgraduate at the Higher School of Economics National Research University, Lecturer at Sevastopol State University.

 Глушич Антон Михайлович

аспирант в Национальном исследовательском университете
 «Высшая школа экономики», преподаватель в Севастопольском
 государственном университете. SPIN-код: 4973-0752